

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА И СТРОИТЕЛЬСТВО ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

*НЕЛЬСОН Пэнн - профессор Университета Содружества Вирджинии, США. КУЗЕС Ирина
корреспондент журнала "Знание - сила", США*

Тезис, антитезис, преемственность и Запад

В январе 1992 г. во второй раз за это столетие новое правительство России, полное решимости радикально преобразовать экономику страны, начало проводить реформы, программа которых базировалась на экономической теории, импортированной с Запада. В обоих случаях в России рассчитывали создать здоровую экономическую систему по плану, разработанному и осуществляемому элитной командой проектировщиков, приложивших специальные усилия, дабы оградить себя от непосредственного контроля со стороны общества. В 90-е годы так же, как и после Октябрьской революции, для того чтобы обеспечить выполнение директив, основанных на теоретических разработках, плохо привязанных к социальным и экономическим условиям России, потребовались поспешные, часто необдуманные импровизации. Вдобавок к необходимости противостоять врожденным порокам советской системы, доставшимся в наследство России, ельцинские реформаторы были вынуждены действовать в условиях гораздо более низкого уровня финансовой помощи Запада, чем тот, на который они рассчитывали в период работы над программой реформ. Снова, как это уже было не раз в российской истории, растущее влияние Запада в период социальных неурядиц в стране стало восприниматься обществом двояко: как желанное и многообещающее, с одной стороны, и одновременно как навязчивое и вызывающее тревогу, с другой [1]. И так же, как во времена Ленина, первые результаты преобразований, далеко не оправдавшие ожиданий, грозят привести к фундаментальной переориентации самой программы реформ и к политической дестабилизации. Но между экономической перестройкой в ранний Советский период и той, которая происходит в 90-е годы, существует громадная разница. Тогда как для прежних советских проектировщиков приоритетом была индустриализация страны, в настоящее время Россия явно движется в сторону деиндустриализации. Эта тенденция оказывает негативное воздействие на процесс формирования демократических институтов общества.

От коллективизации к приватизации

Действуя по той же схеме, что и ленинский ВСНХ, который в 1918 г. быстро основал свои региональные организации, чьей задачей был контроль за несанкционированной **национализацией**, глава российской приватизации Анатолий Чубайс в 1992 г. утверждал, что стремительно раскинутая сеть комитетов по управлению имуществом и территориальных агентств, подчиненных непосредственно Госкомимуществу (ГКИ), пресечет спонтанную приватизацию.

Эта статья так же, как и вышедшая в США в мае 1995 г. книга "Радикальная реформа в ельцинской России. Политические, экономические и социальные измерения" основана на материалах исследований, проводимых авторами в последние годы при финансовой поддержке Национального Совета по Советским и Восточно-Европейским Исследованиям. Авторы несут полную ответственность за выводы, содержащиеся в статье.

Как и в первые годы Советской власти, в российских реформах 90-х годов, начатых и проводимых по указаниям сверху, количественные результаты, достигнутые в кратчайшие сроки, были поистине впечатляющими. И если большевики с 1918 по 1920 г. национализировали 80% крупных предприятий, то ГКИ уже к середине 1994 г. рапортовало о приватизации 70% промышленных предприятий. "Потрясающим" назвал этот результат бывший советник российского правительства Андерс Ослунд в статье "История российских успехов" [2]. Но ни ленинская 80-процентная национализация, ни чубайсовская 70-процентная приватизация не стали в действительности мерилем успеха реформ. Существующие структуры могут быть демонтированы разными способами и быстро перекроены на новый манер. Но то, что бюрократия разрушает и реорганизует, население страны должно принять и освоить, тогда и результаты преобразований выразятся в чем-то более глубоком, чем количественные показатели успеха.

Реструктуризация при Ленине и Ельцине крупным планом

Плоды ускоренной национализации

Как и можно было предполагать, результатом большевистской программы национализации стало резкое падение производства. К 1920 г. продукция, промышленности снизилась до 20% от ее довоенного уровня, а сельскохозяйственная продукция составила лишь 64% от произведенного Россией в 1913 г. [3].; Характеристиками того периода стали всеобщая нищета и взрыв преступности - часто порожденной голодом [4]. В причинах тогдашнего хаоса в экономике страны разобраться не так просто. И обе войны, первая мировая и гражданская, и ленинские радикальные реформы ввергли Россию в экономический кошмар.

Лев Троцкий, признавая рискованность радикального экономического курса, не видел ему никаких альтернатив. В статье, написанной в 1920 г., он настаивал: "Раз взявши власть,... пролетариат *обязан* (курсив Троцкого. - П.Н., И.К.) проводить насильственное обобществление, независимо от того, выгодно ли оно *в данный момент*. И, раз овладевши производством, пролетариат обязан, под давлением, железной необходимости, на собственном опыте учиться труднейшему искусству как организовать социалистическую экономику, Севши в седло, всадник обязан править лошадью - иначе он свернет себе шею" [5].

Императив ельцинских реформаторов

Семьдесят два года спустя в статье, написанной в августе 1992 г., Егор Гайдар, соглашаясь, что "...опасно ставить ее (страны. - П.Н., И.К.) будущее в зависимость от успеха или неудачи реформ", в то же время настаивал: "Главное, с чем категорически не могу согласиться, - миф о возможности выйти из кризиса, спасти Россию без *радикальных* (здесь и далее курсив наш. - П.Н., И.К.) рыночных реформ" И, перечисляя необходимые, но отсутствующие предпосылки реформ, утверждал, целиком следуя логике Троцкого: "Но не было, абсолютно не было времени, чтобы дожидаться формирования всех этих предпосылок". Его рецепт: "...заставить рынок работать". И так же, как Троцкий, он отдает себе отчет в издержках этой принудительности и поспешности: "...будучи необходимой, чтобы отстоять долгосрочные интересы общества и государства, она (политика реформ. — П.Н., И.К.) вместе с тем больно бьет по краткосрочным приоритетам каждой отдельной социальной группы. Общие интересы приходят в противоречие с частными..., долгосрочные - с краткосрочными" [6].

В целом развал российской экономики после того, как Советский Союз прекратил свое существование, привел к тому, что уровень промышленного производства к началу 1995 г. составлял 56% от уровня 1991 г. [7]. В то же время средние доходы населения продолжают уменьшаться. Так, если в 1993 г. 33 млн. человек (22% общей численности населения) имели доходы ниже официального прожиточного минимума, то в 1994 г. их было 37 млн. (25% населения), а к середине 1995 г. - уже у 44,5 млн. человек, т.е. у 30% населения доходы не дотягивали до прожиточного минимума [8]. Этот крутой экономический спад не был, разумеется, таким катастрофическим, как при большевиках с конца 1917 по 1920 г., но ельцинским реформаторам ведь не приходилось преодолевать волнения и разруху, вызванные двумя войнами.

На вопросы о том, какой урон в действительности нанесло России падение производства и насколько больно ударили радикальные реформы по большинству россиян, окончательных ответов пока нет. Официальные данные, личные наблюдения и оценки неуплаты налогов не кажутся вполне надежными, даже вместе взятые. Однако для наших целей важны не столько сводные данные, сколько два следующих менее спорных вывода.

Во-первых, значительная часть населения России в середине 1995 г. когда пишется эта статья, живет определенно хуже, чем до начала реформ. Во-вторых, изменилась сама структура российского производства. Спад особенно заметен в обрабатывающих отраслях. Добывающие отрасли пострадали далеко не так сильно. Объем произведенной продукции в энергетическом секторе упал значительно меньше, чем в других секторах, а спад в производстве товаров народного потребления превзошел спад в военном производстве. Конечно, в структуре производства к началу реформ уже были серьезные искажения, и ход реформ только обострил эти проблемы [9]. Более того, ясно видно ослабление социальной инфраструктуры, от которой зависят будущие уровни производства и потребления. В свою очередь эти факторы работают против демократизации, подавляя возникновение политически мощного среднего класса и способствуя усилению авторитарного политического режима.

Монополизм и структурные диспропорции

К концу советского периода промышленное производство было высоко концентрированным - в большинстве секторов оно сосредотачивалось на одном или нескольких предприятиях. Многие из этих предприятий отличались гигантскими размерами - намного большими, чем их аналоги в западных странах. Согласно докладу "Анализ советской экономики", подготовленному авторитетными международными организациями в 1991 г. некоторые из них были "значительно крупнее", чем следует: их возможности существенно превышали спрос на их продукцию. Структура производства была смещена в сторону продукции тяжелой промышленности, что соответственно приводило к недостаточному выпуску товаров народного потребления. Военно-промышленный комплекс был раздут по сравнению с другими секторами [10]. 80% предприятий оборонной промышленности СССР были расположены на территории России.

Тенденция "к крупномасштабности и крайней концентрации" в промышленности с очевидностью проистекала из предпочтений органов централизованного планирования [10, р. 16]. В вертикально построенной системе часто существовал не только один или, в лучшем случае, два-три производителя какого-то продукта, но и всего лишь один покупатель. Эта ситуация не претерпела существенных изменений с либерализацией экономики и ваучерной приватизацией. С началом либерализации цен такая структура производства создала все условия для неконтролируемой инфляции вследствие монополистического ценообразования. При столь значительных диспропорциях и развале сетей снабжения и распределения, вызванном коллапсом Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) и последующим распадом Советского Союза, длительный спад производства был неизбежен. Программа экономических реформ российского правительства вместо того чтобы откликнуться на эту чрезвычайную ситуацию мерами, направленными на смягчение крутого спада производства, только обострила его кризис, провоцируя дополнительные трудности своей поспешной и упрощенной программой приватизации.

Западные советники вместо того чтобы привлечь внимание именно к этой проблеме, посчитали такое развитие событий нормальным. Андерс Ослунд, например, всегда критиковавший российских экономистов за их "слишком большое внимание к [производству]", считал такую позицию пережитком "прежних марксистских ценностей", [11, р. 26]. и приветствовал опережающий спад обрабатывающей промышленности. В одной из статей Ослунд откровенно настаивает на том, что "общая структура российского экспорта должна сместиться в сторону большего экспорта сырья" [12]. Когда подобные заявления стали достоянием общестности, то в России, естественно, широко распространилось мнение о том,

что западные советники прежде всего стараются обезопасить западный мир от потенциальной конкуренции со стороны российского производства, поощряя в то же время эксплуатацию природных богатств страны.

Российская реформа и частное предпринимательство

В российской печати много раз подчеркивалось невнимание российского правительства к негосударственной сфере бизнеса. Ряд законов, принятых в конце 80-х годов, заложил основы организации кооперативных предприятий - шаг, одобренный советскими лидерами как согласующийся с коллективистскими идеалами. К моменту августовского путча действовало более 111 тысяч кооперативных предприятий. (Зарегистрировано было намного больше, но они не работали.) Кооперативный сектор в 1991 г. давал 6% валового национального продукта СССР - примерно в 17 раз больше, чем в 1988 г. [13]. В кооперативах работало 7 млн. человек [14].

Развитие малого предпринимательства в производственной сфере резко затормозилось, когда Гайдар взял в свои руки штурвал экономической реформы. Известный предприниматель Марк Масарский отмечал, что Гайдар-ученый писал о благотворной роли предпринимателей в экономике и до того, как вошел в правительство Ельцина, оказывал серьезную поддержку пионерам российского предпринимательства. Однако Гайдар-практик, разработчик программы реформ не учел разрушительного влияния либерализации цен и новой налоговой политики на частное предпринимательство [15]. За 1992 г. - первый (и единственный) год, когда Гайдар возглавлял реформы, количество малых предприятий в сфере производства резко сократилось [16].

Запад мог бы помочь плановым органам России разработать меры для поддержки предпринимательства в 1992 г. Но этого сделано не было. Проблема здесь состоит в том, что пути, ведущие к необходимым институциональным и структурным преобразованиям, остаются в пренебрежении у адептов монетаристской теории. Например, в число "главных устоев" экономической реформы по Джеффри Саксу — бывшему советнику Гайдара в вопросах экономики, никогда не входили инициативы правительства по развитию частного бизнеса. Вместо этого Сакс приветствовал бум уличной торговли в Москве как лучшее свидетельство "спонтанной рыночной активности" [17]. То, что увидел Сакс, на самом деле было спонтанным созданием условий для деятельности мафии. Однако России от предпринимателей нужно было больше, чем импорт газировки, фруктовых пуншей и конфет. Ей нужно было производство. А это не было частью программы Сакса. И Ослунд, который много рассуждает о стабилизации и приватизации государственных предприятий, не считает малый бизнес темой, достойной обсуждения за исключением констатации того факта, что предприниматели вынуждены раздавать взятки [1, р. 21]. В ортодоксально монетаристской манере обращаясь с рынком-младенцем как со взрослым, эти советники проморгали открывшиеся к концу 1991 г. замечательные возможности для развития частного сектора в российской экономике.

Научно-технический прогресс в опасности

К концу советского периода до 80% всех научных разработок в СССР так или иначе было связано с оборонным сектором [18]. При этом около 70% научного потенциала страны было сосредоточено в России [19]. Оборонные отрасли с давних пор являлись основной сферой приложения лучших научных достижений в сфере высоких технологий. Вся электроника гражданского назначения, от компьютеров до телевизоров, производится на оборонных предприятиях параллельно с радарными и реактивными истребителями. В 1993 г. 80% продукции ВПК направлялось в гражданский сектор. На военных заводах производилось 100% телевизоров и 80% холодильников, выпускаемых в России [20]. В целом, по имеющимся оценкам, оборонным сектором в 1993 г. осуществлялось около 30% всех гражданских научно-исследовательских и конструкторских разработок [21, р. 32].

Для продолжения исследовательских работ в новых условиях требовался тщательно продуманный механизм конверсии оборонного комплекса, а не простое прекращение его финансирования, как это было сделано правительством Гайдара. В результате произошло резкое сокращение штатов многих научно-исследовательских институтов и свертывание целого ряда проектов.

В докладе Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР) 1994 г. обсуждается проблема "утечки мозгов" в результате эмиграции и перехода научных работников в другие сферы деятельности внутри России. По данным ОЭСР, около 10% российских ученых и технологов уже потеряно для российской науки благодаря эмиграции. Но, как утверждает в докладе, этот процесс "нельзя оценивать только в цифрах, поскольку эмигрируют во многих случаях люди с международной репутацией и пользующимися спросом знаниями". "В целом, — говорится в докладе, — существует опасность, что определенные научные школы, имеющие высокую репутацию, такие, как некоторые из школ в теоретической физике, исчезнут вследствие рассеяния за границей их научного персонала" [21, р. 54-55].

Более 70% всех научных работников и всех расходов на научные исследования были сосредоточены в "отраслевой науке", контролировавшейся в советской системе отраслевыми министерствами [22]. Количество и размеры научно-исследовательских институтов, занимавшихся в основном прикладными разработками, определялись зачастую бюрократическими интересами в министерствах, а не действительными потребностями общества в исследованиях и развитии. В 1993 г. Министерством науки и техники был подготовлен доклад, в котором утверждалось, что "отраслевая наука нуждается в фундаментальном реструктурировании и переориентации на рынок", поскольку в настоящее время "не более 10 процентов отраслевой науки являются конкурентоспособными на мировом уровне" [22].

Однако "спонтанная переориентация" рискована, "поскольку чревата исчезновением потенциально успешных - в условиях более стабильного рынка - организаций, что приведет к нежелательному размыванию исследовательского потенциала нации". И далее утверждается, что "для сохранения потенциально жизнеспособных элементов отраслевой научно-технической системы... стратегически важные организации" должны получать "по крайней мере, временную поддержку со стороны государства" [21, р. 49-50].

Одновременно с быстрым свертыванием научно-технических разработок появилась явная тенденция к "примитивизации" производства. Сокращение инвестиций, урезание исследовательских программ, с одной стороны, и дробление предприятий в процессе приватизации, с другой, приводит к исчезновению инноваций. Новые мелкие фирмы не в состоянии ни содержать конструкторские бюро, ни покупать готовые технические решения. По словам Сергея Глазьева, дробление производственных предприятий на меньшие без тщательного предварительного планирования "особенно большой вред наносит сложным производственным системам. Оно разрушает их. Оно провоцирует новых владельцев к упрощению своего производства" [23].

Если бы научно-исследовательский потенциал России мог быть "заморожен" до лучших времен, подобно тому, как фирмы временно увольняют рабочих со сборочного конвейера, последствия не были бы столь разрушительны. Однако наука плохо реагирует на такие потрясения. Научные школы в отсутствие финансовой поддержки могут просто исчезнуть. Незаинтересованность западных советников в сохранении исследовательского потенциала России легко объяснима: высокий уровень технических и научных знаний не нужен для экспорта сырья. Гораздо труднее понять пренебрежение российского правительства к этой усугубляющейся проблеме.

Инвестиции и производство

Модернизация производства требует инвестиций, поэтому кризис производства есть прежде всего кризис инвестиционной сферы. В большинстве отраслей, за исключением военно-промышленного комплекса, значительная часть производственного оборудования устарела. По одной из оценок, в разных отраслях производства от 60% до 100% оборудования полностью изношено [24]. Согласно данным Центра информационных и социальных технологий при российском правительстве, годовой объем капитальных вложений в промышленность должен

быть как минимум удвоен только для того чтобы имеющееся оборудование продолжало работать, а для достижения заметного экономического роста нынешний уровень инвестиций потребовалось бы поднять в четыре раза [25].

Ни правительство, ни граждане России не делают значительных инвестиций в отечественное производство. Более того, притчей во языцех стало бегство российских капиталов из страны. А столь необходимые зарубежные инвестиции остаются слишком низкими. За последние два с половиной года они составляли, например, менее 10% от сумм, инвестированных в Китай. Готовность иностранных инвесторов вкладывать капиталы в российское производство, разумеется, не могла увеличиться после обстрела Ельциным Белого дома в Москве в октябре 1993 г., а уж тем более после успеха на декабрьских выборах ультра-националиста Владимира Жириновского. Если иностранное инвестирование и осуществляется сегодня, то в основном в нефть и газ. Такой тип инвестиций, нацеленный на добычу и экспорт, — совершенно не то, что более всего нужно сейчас России для оживления сферы производства.

В советский период индустриализация исходила из противоположных установок. Октябрьская революция только временно приостановила зарубежные инвестиции. Вскоре было принято решение вновь открыть страну для иностранных инвестиций посредством выдачи концессий. Шли переговоры с французами, немецкими, английскими и американскими инвесторами. В 1920 г. Ленин издал специальный декрет о предоставлении концессий иностранным капиталистам, и в 20-х было предоставлено много таких концессий. Во времена нэпа наибольшее распространение получили два вида концессий: "чистая" концессия, в которой иностранная фирма инвестировала оговоренную сумму денег и оборудования на оговоренный период времени, не приобретая прав собственности, и "смешанная" концессия, в которой иностранное и советское участие было почти одинаковым, и советский гражданин возглавлял Совет директоров, обладая правом решающего голоса в случае разногласий. Во главу угла ставилось соблюдение национальных интересов, и развитие промышленности признавалось жизненно необходимым для конкурентоспособной экономической системы.

Пик деятельности по оказанию технической помощи пришелся на период с 1929 по 1932 гг., когда многие крупнейшие предприятия Советского Союза были спроектированы и пущены в эксплуатацию при технической помощи Запада и закупках оборудования у западных компаний. Наиболее известная архитектурная фирма США - "Альберт Канн, Инк." - получила заказ стоимостью более двух миллиардов долларов на проектирование всех промышленных предприятий, запланированных как на первую, так и на вторую сталинские пятилетки. Этот грандиозный проект в два с половиной раза превосходил всю работу, выполненную Канном для американских фирм с начала его деятельности в 1903 г. по 1939 г. [26, р. 249—252].

Другие проекты по оказанию технической помощи, контракты на которые были заключены с американскими и европейскими фирмами, привели к созданию в этот период в Советском Союзе большого количества предприятий в сферах промышленности, добычи полезных ископаемых, связи и энергетики. Например, компания "Форд Мотор" оказывала техническое содействие в сооружении в Нижнем Новгороде завода, способного производить 100 тысяч автомобилей в год. Турбинный завод ХМЕЗ в Харькове, спроектированный фирмой "Дженерал Электрик", имел мощность, в два с половиной раза превышающую мощность главного завода "Дженерал Электрик" в Шенектейди; завод по производству чугуна и стали в Магнитогорске - увеличенная копия завода фирмы "Ю.С. Стил" и Гэри (Индиана) - стал самым крупным заводом этого типа в мире. В 1936 г. было сообщено, что в тяжелой промышленности в 1932 г. работали 6 800 иностранных специалистов [26, р. 11].

Далеко не все в подобном развитии событий было благоприятно для СССР. Вместо создания относительно автономного "социализма в одной отдельно взятой стране", советские руководители на самом деле "скроили" в 30-х экономическую систему, сильно зависящую от капиталистического мира в области невоенных технологий. Эта система, однако, не обладала инфраструктурой, способной поставлять на Запад конкурентоспособные потребительские товары. Причина состояла в выборе приоритетов производства: наибольшее внимание уделялось тяжелой промышленности. К производству потребительских товаров, которое могло бы улучшить условия жизни в самом Советском Союзе, относились с явным пренебрежением.

Но советское руководство тех лет, но крайней мере, признавало принципиальную важность производства для национального развития.

Сегодня хорошо известно, что вообще производительная экономика представляет собой необходимое (хотя и не достаточное) условие для построения демократических институтов, что было доказано многочисленными исследованиями [27]. При сталинском тоталитарном режиме никакая ускоренная индустриализация не могла, конечно, привести к демократическим преобразованиям в обществе. Но здесь и кроется непоследовательность нынешнего курса экономических реформ в России. При декларируемых демократических установках стратегия реформаторов оказала угнетающее воздействие на всю производительную сферу, тем самым не только нанеся урон благосостоянию нации, но и выбив почву из-под реального строительства демократии.

Заключение

Сейчас Гайдар признает, что неверное понимание самых основ демократического общественного устройства может оказаться просто опасным. "Капитализм практически уже остановить нельзя, — писал он в середине 1994 г. - Дилемма в следующем: бюрократический (номенклатурный, государственный) капитализм или демократический (гражданский, открытый)" [28]. Однако торможение или перемена курса реформ вполне по силам определенным центральным и региональным бюрократическим структурам, "сохранившим - особенно на местах — всю полноту власти", - продолжает он. Эта власть, мог бы он добавить, порождена их политическим положением, защищенным от всякого давления со стороны групп, заинтересованных в здоровом развитии самостоятельной экономической деятельности.

Результаты реформ в России по состоянию на середину 1995 г. подтверждают тезис Мерили Гриндли и Джона Томаса о том, что "как бы ни было трудно и политически рискованно решиться на реформы, процесс воплощения этого решения будет, вероятно, еще труднее и еще рискованнее" [29]. Как указывают Стивен Хаггард и Роберт Кауфман, "тактика запуска" на первой стадии реформ искусственно ограждает "политиков и их аппарат от давления разнородных групп влияния". На второй фазе "тактика консолидации" требует "уже иного баланса между государственной властью и группами влияния" - такого, который предполагает знание электората и выявление сторонников среди групп влияния [30].

Экономический организм России перенес огромную "потерю крови". В итоге целые области великолепной культуры и науки стоят сейчас на краю гибели. На Западе даже ведутся разговоры о "мире без России", в которых внимание уделяется различным сценариям раздробления страны на региональные уделы [31]. Ясно, что общество сейчас фрагментировано куда больше, чем раньше, а общественное доверие российским лидерам упало низко как никогда. Военные действия в Чечне увеличили беспорядочность в российской экономике и способствовали дальнейшему упадку доверия со стороны возможных западных инвесторов. Эти действия развернулись на фоне общественного недовольства той исключительной властью, которую приобрела нынешняя бюрократия в процессе реформ и которая лишает политической силы новый слой независимых производителей. В России нет мощного среднего класса и нет никаких признаков, что он скоро появится, в то время как ее промышленный, научный и образовательный потенциал продолжает исчезать. Какова будет окончательная цена российских радикальных "реформ" - вот сегодня ключевой вопрос.

Перевод с английского О.И. ШАРТОВОЙ

ЛИТЕРАТУРА

1. *Theodore H. Von Lane. Why Lenin? Why Stalin? Why Gorbachev? The Rise and Fall of the Soviet System. 3rd ed.* New York: Harper Collins, 1993. P. 3; *Billington J. The Icon and the Axe: An Interpretive History of Russian Culture.* New York: Random House, 1966. P. 114-150; *White S. After Gorbachev.* New York: Cambridge University Press, 1993. P. 261-285.
2. *Aslund A. Russia's Story // Foreign Affairs.* 73. September/October 1994. P. 68.
3. *Gergory P.R., Stuart R.C. Soviet Economic Structure and Performance. 3rd ed.* New York: Harper and Row, 1986. P. 58.

4. *Ball SAM*. Russia's Last Capitalists: The Nepmen, 1921-1929. Berkeley: University of California Press, 1987. P. 8-9; *Sorokin PA*. Hunger as a Factor in Hyman Affairs / Trans. Elena P. Sorokin. Gainesville: University of Florida Press, 1975. P. 109-117, 209-215.
5. *Trotsky L*. The Defense of Terrorism: Terrorism and Communism; A Reply to Karl Kautsky. London: George Allen and Unwin, 1935. P. 94-95. Quoted in Alec Nove, *An Economic History of the U.S.S.R*. New York: Penguin Books, 1989. P. 71.
6. *Гайдар Е*. Россия и реформы // Известия. 1992. 19 авг.
7. Российский статистический ежегодник. 1994. М.: Госкомстат, 1994. С. 12; Социально-экономическое положение России в 1994 году. М.: Госкомстат, 1995. С. 3.
8. Российский статистический ежегодник. 1994. М.: Госкомстат, 1994. С. 95; Социально-экономическое положение России. Январь-июнь 1995 г. М.: Госкомстат, 1995. С. 138.
9. *Глазьев С*. Несостоявшееся выступление на расширенном Совмине // Независимая газ. 1994. 16 авг. С. 4; *Cavrilenkov E*. How Large Was The Output Collaps in Russia? Alternative Estimates and Welfare Implications // Paper presented to the Research Department. IMF. Washington. D.C., 17 November 1994. P. 6.
10. International Monetary Fund, World Bank, Organization for Economic Cooperation and Development and European Bank for Reconstruction and Development, *A Study of the Soviet Economy*. V. 2. Paris: OECD, 1991. P. 30.
11. *Ashund A*. The Gradual Nature of Economic Change in Russia // *Changing the Economic System in Russia* / Aslung A., Layard R. (eds.). New York: St. Martin's Press, 1993.
12. *Ashund A*. Adapting to the World Economy: Interests and Obstacles // *Rethinking Russia's National Interests* / Sestanovich S. (ed.) Washington, DC: Center for Strategin and International Studies, 1994. P. 93.
13. *Belokonnaia L*. No Faith in the Future // *Business World Weekly*. № 2. 27 January 1992. P. 3; *Current Digest of the Soviet Press*. 43. 11 September 1991. P. 23; from *Izvestiia*. 7 August 1991. P. 3.
14. *Тихонов В*. Власть и рынок // *Век*. 1992. № 11. С. 6.
15. Шинкарев Л. Частное дело миллионов // *Известия*. 1992. № 6. С. 5.
16. Осетрова О. Поддержит ли государство предпринимателя // *Торгово-промышленные ведомости*. 1992. № 5; Палкина Н. Поддержка малых предприятий в России // *Экономика и жизнь*. 1992. № 39. С. 16
17. Lipton D., Sachs J. Prospects for Russia's Economic Reforms // *Brookings Papers on Economic Activity*. 1992. № 2. P. 213-229.
18. Юревич А. Ученые пополняют ряды малообеспеченных и безработных // *Мегаполис-Экспресс*. 1993. № 29. С. 14.
19. Organization for Economic Co-operation and Development (OECD). *Science, Technology and Innovation Policies: Federation of Russia*. V. 1. Evaluation Report. Paris: OECD, 1994. P. 11.
20. Лесков С. "Оборонка" захватила монополию в области холодильников // *Известия*. 1993. № 251. С. 4; Ачильдиев И. Оборонка пока жива // *Мегаполис-Экспресс*. 1994. № 1. С. 10.
21. OECD. *Technology and Innovation Policies*. V. 1. Evaluation Report.
22. Крылов И. Российская наука глазами европейских специалистов // *Деловой мир*. 1993. № 189. С. 4.
23. Глазьев С. Уроки либерализации в России // *Сегодня*. 1993. № 85. С. 9.
24. Макаревич Л. Промышленная элита предрекает мрачное будущее // *Финансовые известия*. 1993. № 39. С. 2.
25. Чернявский А. Инвестиции и рынок // *Экономика и жизнь*. 1993. № 20. С. 22.
26. The project is outlined in Anthony C. Sutton. *Western Technology*. V. 2. 1930 to 1945.
27. См., например: Rueschemeyer D., Stephens J. Stephens J.D. *Capitalists Development and Democracy*. Chicago: University of Chicago Press, 1922; Sklar L. *Sociology of the Global System*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1991; Boreham P. Stewart Clegg and Geoff Dow; *Political Organization and Economic Policy // Democracy and the Capitalist State*. New York: Cambridge University Press, 1989. P. 253-276.
28. Гайдар Е. Фашизм и бюрократия // *Сегодня*. 1994. № 110. С. 10.
29. Grindle M.S., Thomas J.W. *Public Choices and Policy Change: The Political Economy of Reform in Developing Countries*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1991. P. 121.
30. Haggard S., Kaufman R.R. Introduction // *The Politics of Economic Adjustment: International Constraints, Distributive Conflicts, and the State* / Haggard and Kaufman (eds.) Princeton: Princeton University Press, 1992. P. 19-20; Waterbury J. The Heart of the Matter? Public Enterprise and the Adjustment Process // *The Politics of Economic Adjustment* / Haggard and Kaufman (eds.) P. 190-192.

31. См., например: Элизабет Тиг. Регионализм в России: экономический аспект"// Федерализм, регионализм и конституционная реформа в России / Под ред. Ариэля Коэна. Вашингтон: Фонд "Наследство", 1993. С. 33-42; Bergsten F. The Rationale for a Rosy View // The Economist 328 (11-17 September 1993), 61; Stern I.E. Moscow Meltdown: Can Russia Survive? // International Security 18 (Spring 1994).